

Смертельная обида

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Гуров постучался и, услышав «войдите», шагнул в кабинет генерала Орлова. Верхний свет в помещении был выключен, горела только лампа на генеральском столе. Она бросала мягкий рассеянный свет на знакомую обстановку: стол самого начальника Главка, длинный стол для совещаний, шкафы со справочниками и другой нужной литературой. Все выглядело таким уютным, мирным, что не верилось, что этот уютный кабинет является штабом борьбы с кровавыми преступлениями. Сейчас хозяин кабинета сидел на своем обычном месте и читал какой-то документ.

— Вызывали, товарищ генерал? — спросил Гуров.

— А ты что думал — что я тебя чай приглашаю попить? — ответил Орлов. — Чай потом будем пить, когда дело сделаем. Вон, давай садись поближе и послушай, что я тебе скажу.

Гуров сел и приготовился слушать. За долгие годы совместной работы с генералом он научился различать малейшие оттенки его настроения — улавливать их по голосу, по выражению лица, даже по наклону головы. И сейчас он видел, что начальник Главка обеспокоен, даже встревожен. «Что же такое могло случиться? — подумал Гуров. — Вроде бы в сводках ничего особенного не было...»

Орлов дочитал документ и поднял глаза на Гурова.

— Да, Лев Иванович, чай мы с тобой будем пить позже, — повторил он. — А сейчас нам надо разобраться с этими тремя смертями. Неприятное дело, очень неприятное!

— Три смерти? — насторожился Гуров. — А почему же в сводках за последние дни ничего не было?

— Не было, потому что две смерти вроде как не по нашему ведомству, а третья согласно заключению врачей... Впрочем, подожди, не буду забегать вперед. Сейчас я тебе все по порядку изложу.

Генерал перелистал лежавшие перед ним бумаги и вновь заговорил.

— Речь у нас пойдет о Рубцовске. Город, как ты понимаешь, не слишком известный. Прямо можно сказать, тихое место, где ничего не происходит. И вот мне стало известно, что в этом спокойном городишке еще две недели назад погиб один из сотрудников тамошнего Управления, начальник отдела полковник Дятлов.

— Две недели назад? — Гуров удивился еще сильнее. — Но я и две недели назад такого сообщения в сводках не помню. Полковник полиции не каждый день погибает. Если бы такое случилось, я бы обязательно обратил внимание.

— И ты бы обратил, и я бы тоже заметил, — отозвался Орлов. — Но дело в том, что согласно заключению экспертизы полковник не был убит — он сам застрелился. Заперся в своем кабинете и там выстрелил себе в сердце из табельного оружия. И поэтому руководство рубцовского Управления не стало включать этот случай в сводку криминальных происшествий.

— Но почему вы этим случаем в итоге заинтересовались? — спросил Гуров.

— А тут помог волшебник по имени интернет, — ответил генерал. — Мне на электронную почту пришло со-

общение из неизвестного почтового ящика. В нем говорилось, что смерть полковника Дятлова — вовсе не самоубийство, что этим эпизодом надо поинтересоваться. А самое интересное — в этом послании говорилось о еще двух смертях.

— Тоже среди полицейских?

— Нет, на этот раз погибшие — гражданские лица. И проходят, так сказать, не по нашему ведомству. Речь идет о людях, умерших в тамошнем СИЗО. Ведомство, может, и не наше, но, когда я сопоставил эти две смерти с гибелью полковника Дятлова, я предположил, что тут дело нечисто. В общем, я поручаю эти случаи тебе, Лев Иванович. Езжай в Рубцовск, разберись, что там случилось с полковником и почему начали умирать заключенные.

— Значит, это, так сказать, внутреннее расследование... — задумчиво произнес Гуров. — Задание понятно. Только тут вот какое дело, товарищ генерал. Как вы знаете, в таком деле мы не можем полагаться на помощь местных коллег. Наоборот — с их стороны можно ожидать противодействия.

— Есть такое дело, — согласился Орлов. — И что же?

— В таком случае мне будет трудно одному там работать, — объяснил Гуров. — Позвольте взять с собой Стаса Крячко. С ним вдвоем...

— Можешь не продолжать, — прервал его Орлов. — Не надо мне доказывать полезность работы в паре. Я сам хотел тебе предложить взять кого-то еще; ты меня просто опередил. Как вариант, можно создать что-то вроде бригады. Может быть, взять с собой экспертов, специалистов... А еще ты, наверное, захочешь явиться в Рубцовск скрытно, не представляясь тамошнему начальству. И с этим я согласен. Езжайте скрытно, работайте тихо. Но при этом постоянно держите со мной связь. Если что —

я моментально вышлю вам на помощь дополнительные силы. Еще какие-то вопросы остались?

— Нет, товарищ генерал, вопросов больше нет, — сказал Гуров. — Спасибо за предложение взять с собой побольше народу, но я от этого, пожалуй, откажусь. С вашего разрешения, кроме Крячко, я бы взял с собой капитана Диму Ряшенцева.

— Это такой молодой, на совещаниях все шутить норовит?

— Да, молодой. Но я имел возможность убедиться, что он хороший специалист. И отличный сыщик. Мне кажется, мы втроем справимся.

— Хорошо, бери этого шутника, я не возражаю, — кивнул Орлов.

— В таком случае разрешите идти?

— Иди, Лев Иванович, — махнул рукой генерал. — Да, вот возьми эту папку. Сведений тут немного, но что-то ты отсюда, я думаю, извлечешь. Удачи!

С таким напутствием начальника Главка Гуров покинул его уютный кабинет. И с тонкой папкой документов в руках направился к себе. У себя в кабинете он сел за стол и внимательно прочитал все, что лежало в полученной папке, тем более что сведений там было немного. После этого Гуров сел и минут пятнадцать сидел неподвижно, не делая никаких записей. Он обдумывал ситуацию, осмысливал каждый факт. А затем позвонил Стасу Крячко и капитану Ряшенцеву и предложил им незамедлительно прийти к нему.

Спустя несколько минут эти двое явились почти одновременно, чуть в дверях не столкнулись. Когда они входили вот так, вместе, стало особенно заметно, какие они разные. Полковник Стас Крячко был высокий силач, типичный оперативник, способный в одиночку задержать опасного вооруженного преступника. А худощавый, жи-

листый Дмитрий Ряшенцев был и моложе, и ниже Крячко, но быстрый, глазастый, хватистый. Войдя, они сели к столу, и Гуров объяснил, зачем он их вызвал. Он рассказал о странной гибели полковника Дятлова в Рубцовске — смерти, не попавшей в обычную сводку происшествий, а также о гибели двух заключенных в СИЗО. А затем перешел к постановке задачи.

— Нам предстоит эти три смерти расследовать, — сказал он. — Какие я тут вижу сложности? Главная сложность — что мы не можем рассчитывать на помощь наших коллег в Рубцовске. Раз уж они решили скрыть сам факт смерти своего важного сотрудника, с какой стати они нам будут помогать?

— Скорее, палки в колеса будут ставить, — согласился Крячко с другом. — И не только палки. Мы с тобой, Лев, помним такие ситуации.

— Да, есть такой негативный опыт, — кивнул Гуров. — Правда, у нас есть в Рубцовске неизвестный нам доброжелатель, который прислал генералу Орлову ту самую информацию. Но кто он, и захочет ли нам помогать — этого мы не знаем. Поэтому я предлагаю действовать в городе скрытно. По крайней мере, вначале будем работать тихонько. Если потом увидим, что местная полиция к нам со всей душой, что никакого криминала в ее действиях нет, — мы выйдем из подполья. Но поперву давайте сделаем так: открыто в Рубцовск поедет только Стас. А мы с Дмитрием приедем скрытно.

— Но почему открыто поеду я, а не ты? — удивился Крячко. — Все знают, что мы с тобой работаем вместе, но я — всегда вторым номером.

— Потому что, если поеду я, местное руководство сразу поймет, что здесь, в Москве, их делам придают большое значение, — стал объяснять Гуров. — Они это поймут и затаятся. А так ты приедешь и представишь свой визит

как обычную плановую проверку, как чистую формальность. Ну, и местное руководство будет обращаться с тобой соответственно. Будет возить тебя на охоту, в баньку, на шашлыки... Представляешь, какая жизнь тебя ожидает?

— Представляю, — мрачно отозвался Крячко. — Меня ждет несварение желудка и смерть от алкоголизма.

— Ну почему обязательно смерть? — возразил третий участник разговора, капитан Ряшенцев. — Ведь товарищ полковник отличается богатырским здоровьем...

— Да, отделается легким недомоганием, — подхватил Гуров. — А мы с капитаном в это время будем действовать, ничем не связанные. Так что ты, Стас, поедешь в Рубцовск поездом. А мы с капитаном отправимся на моей машине. Только номера на ней надо будет сменить на местные. Ни к чему светиться с московскими номерами.

— Ладно, уговорил, — все еще с обиженным видом, но уже смирившись с неизбежным, сказал Крячко. — Когда выезжать — завтра?

— Да, ты выедешь завтра, — кивнул Гуров. — Приедешь, представишься, побеседуешь с начальником Управления, с начальниками отделов. В общем, наберешь какую-то первичную информацию. А мы с капитаном приедем спустя сутки.

— И зачем тебе эти сутки? — спросил Крячко. — Пистолет будешь до блеска чистить?

— Нет, не пистолет, — хмыкнул Гуров. — Прежде чем отправляться в бой, надо хорошенько изучить театр военных действий. Я хочу поднять всю статистику по Рубцовску. И не только по преступлениям, но и по их жизни вообще. Может, найдется какая-нибудь зацепка. Заодно пороюсь в своей записной книжке — не отыщется ли кто-то знакомый в тамошних органах. Нам очень нужен объективный источник информации в этих местах. Кстати, и вам двоим было бы неплохо заняться такими поисками.

— Сегодня же займусь, Лев Иванович, — пообещал Ряшенцев.

— Вот, а еще я сменю номера на машине и поищу какой-нибудь хостел или частную квартиру, где не спрашивают имя постояльца, — добавил Гуров. — Думаю, суток на все это хватит. Так что выедем мы послезавтра.

— Значит, я беру билет на завтра, 4 сентября, — заключил Крячко, поднимаясь. — Интересно, что там у них стряслось? Я так чувствую, что речь идет о взятке. Точнее, о системе взяток и откатов. Этот самый полковник Дятлов, небось, занимался этим делом очень увлеченно, а руководство его разоблачило. Вот и пришлось бедняге использовать табельное оружие...

— А заключенные в СИЗО — что, тоже взятки брали? — скептически произнес Гуров.

— Нет, почему взятки? Они могли... ммм... быть посредниками...

— Кстати, а в документах, которые вам дали, есть информация, от чего они умерли? — спросил Ряшенцев.

Гуров покачал головой:

— Никакой информации. Вот тебе, Стас, кстати, особое задание: узнать все обстоятельства смерти этих людей. Тебе по официальной линии это будет сделать гораздо легче, чем нам. А вообще предлагаю тебе не строить сейчас никаких гипотез. Ты же знаешь мое правило: пока нет информации — нет почвы для построения версий. Вот приедем, что-то узнаем — тогда можно будет и версии строить.

— Да, а еще нам надо продумать систему связи, — напомнил Ряшенцев. — С телефонами, сами понимаете, стоит быть осторожней. Лично я собираюсь взять с собой кнопочный. А кроме того, неплохо бы подыскать какой-то пункт для встречи. Зброшенный дом или цех...

— Уж лучше заброшенную баню... — заявил Крячко с серьезным видом.

Гуров усмехнулся, затем произнес:

— К чему такие сложности? Подыщем какое-нибудь кафе на отшибе, там и будем встречаться за порцией борща. А в первый вечер подъедешь на квартиру, которую мы с капитаном снимем. Там и проведем первое оперативное совещание. В общем, перед отъездом встретимся еще раз, наметим план действий — и вперед.

Глава 2

Как Гуров и намечал, в Рубцовск они приехали к вечеру. Город произвел на сыщика приятное впечатление: много зелени, много красивых новых домов, а старые здания — XVIII—XIX веков — отремонтированы. Дороги были в хорошем состоянии, что для Гурова, который сидел за рулем, было важно.

Квартира, которую сыщик снял через интернет, находилась на окраине. Гуров боялся, что жить предстоит в жуткой дыре, тонущей в грязи, но он ошибся: здесь тоже царили порядок и чистота. Дом был стандартный, девятиэтажный. Возле подъезда, где находилась нужная им квартира, сыщиков ожидал деловитый молодой человек. Он назвал код, которым открывался подъезд, поднялся вместе с постояльцами на восьмой этаж, где открыл дверь в жилище. Как и значилось в объявлении, здесь были две комнаты и кухня. Убедившись, что вода из кранов течет, душ работает и вообще все в порядке, а также получив от молодого человека ключ, сыщики его отпустили и стали обустраиваться на новом месте.

За этим занятием их и застал звонок домофона. Как и ожидалось, это был Стас Крячко. Он осмотрел обиталище оперативников, остался, в общем, доволен, после

чего стал выкладывать из сумки принесенную провизию. Когда уже весь стол был заставлен едой, а холодильник забит до отказа, капитан Ряшенцев решил высказать удивление.

— А зачем так много, товарищ полковник? — спросил он. — Мы ведь и сами можем все нужное купить. Или сходить в кафе. И потом, вы столько всего набрали, словно мы тут месяц собираемся жить.

— А ты на какой срок рассчитывал? — спросил Крячко.

— Ну, не знаю... Я своим домашним сказал, что еду на неделю. А что, мы тут дольше пробудем?

— Все может быть, — сказал Крячко, и сразу чувствовалось, что никакой шутки в его словах нет; оперативник был предельно серьезен. — Все может быть, — повторил он. — А мой друг Лев, чтобы ты знал, капитан, обладает таким нехорошим свойством: во время расследования он начисто забывает о еде. Сутками может не обедать, не ужинать. Утром кофе выпьет — и снова бегом по горячему следу. А такое поведение, как ты знаешь, чрезвычайно вредно для пищеварения. Да и вообще для здоровья. Поэтому Мария, супруга Льва Ивановича, меня в свое время попросила в период совместных командировок присматривать за тем, чтобы полковник Гуров регулярно принимал пищу. Причем желательно — горячую пищу. Я вижу, у вас тут и кастрюли на кухне имеются, и микроволновка. Так что есть возможность готовить горячее. И теперь на тебе лежит ответственность за то, чтобы твой начальник за время операции... ну, назовем ее «Смерть полковника» — сам не стал трупом. Или не заработал язву желудка.

— Задание понял, — доложил Ряшенцев. — Но вы мне не сказали, сколько времени эта операция продлится.

— Сейчас выскажусь и на этот счет, — пообещал Крячко. — Вот сядем за стол, съедим по порции пельме-

ней, тогда я изложу, что мне удалось узнать за последние сутки. Вот, воду я поставил. А ты, капитан, давай, накрывай на стол. Где тут у вас тарелки?

Спустя двадцать минут пельмени сварились. Крячко разложил еду по тарелкам, все сели и принялись за еду. Когда первый голод утолили, Крячко поведал о своих впечатлениях.

— Встретили меня необычайно сердечно, — рассказывал он. — Просто как родного приняли. Все было так, как ты и предвидел, Лев: номер в лучшей гостинице, баня, обед в ресторане... Завтра поедем на охоту. В общем, полная программа «Как ублажить ревизора». Потому что меня тут принимают за ревизора, присланного из центра. Ну я особо не возражаю — пусть их.

— Рад, что ты так хорошо устроился, — сказал Гуров. — А что насчет информации по нашему делу? Удалось что-нибудь узнать?

— Как ты сам понимаешь, в такой обстановке можно узнать только официальную версию событий, — отвечал Крячко. — Что-то сверх этой версии удастся прочитать только помимо слов — по тону рассказа, по выражению лиц, по разного рода недомолвкам. В общем, позиция руководителей Управления такая. Полковник Иван Семенович Дятлов был человеком неуживчивым. Ко всем придирался, вечно был всем недоволен. По всем вопросам имел особое мнение. И вообще хотел подсидеть генерала Потапова, чтобы самому возглавить Управление. Но тут руководство затеяло плановую проверку — и в отделе Дятлова вскрылась растрата денежных средств. Кроме того, нашлись два бизнесмена, которые написали заявления, что Дятлов вымогал у них деньги. В общем, крайне некрасивая история. Когда полковник понял, что выкрутиться ему не удастся, что предстоит суд, он решил пустить себе пулю в лоб.

— В общем, примерно то самое, что ты и предполагал еще в Москве, — заметил Гуров. — Так что ты можешь быть доволен, что оказался такой прозорливый.

— Может, и могу, но я почему-то недоволен, — сказал в ответ Крячко. — Там, в Москве, я мог согласиться с этой версией событий. Но здесь, увидев генерала Потапова, его заместителей, я не поверил в то, что покойный Дятлов был взяточником. Но хозяевам я о своем недоверии, конечно, не сказал. Сделал вид, что скушал их блюдо и не поморщился. В общем, ничего я тут не узнал, никакой информации. Все надо самим искать.

— Этот момент понятен, — кивнул Гуров. — А что насчет заключенных? Они тоже брали взятки и застрелились? Или объелись ананасов?

— Хорошо, перейдем к заключенным, — откликнулся Крячко. — Официальная версия здесь такая. Заключенные Илья Деменюк и Сергей Чердынцев были людьми совершенно отмороженными. Сидели за грабежи и вымогательство и тем же самым продолжали заниматься в СИЗО — вымогали деньги у сокамерников. Между ними возник конфликт с поножовщиной, и в ходе ссоры они друг дружку зарезали.

— Но так не бывает! — воскликнул Ряшенцев. — Я мог бы поверить, что один из них убил другого, но что оба нанесли друг другу смертельные удары — я таких случаев даже не помню.

— Вот и я не помню, — согласился Крячко. — То есть я пришел к выводу, что и здесь перед нами сплошная туфта. Причем местное руководство даже не слишком старалось, чтобы придать своей версии хотя бы видимость правдоподобия. Мне потребовалось буквально только пальцем пошевелить, чтобы убедиться, что официальное заключение — вранье. Я поднял дела этих двоих и убедился, что сидели они не за грабежи, а как сбытчики.

— Героин или кокаин? — уточнил Ряшенцев.

— Всего понемногу. Никаких сведений о вымогательстве денег у сокамерников я не обнаружил. Зато заметил, что оба заключенных сидели по четыре месяца и почти половину этого срока провели в ШИЗО.

— Знакомая картина, — кивнул Гуров. — Такое впечатление, что у этих парней вымогали показания.

— Вот именно, — хмыкнул Крячко. — Здесь у нас валютой служат не рубли, а нужные показания, которые можно подшить в дело. И что в итоге получается? Получается сплошной обман. А это означает, что прав был не я, а ты, Лев. И что узнать правду можете только вы, действуя неофициально и скрытно.

— Я так и думал с самого начала, — сказал Ряшенцев. — И с чего мы начнем эту свою подпольную работу, Лев Иванович?

— Да, Лев, теперь пора тебе изложить свой план кампании, — поддержал коллегу Крячко. — Ты вроде хотел поискать какого-нибудь человека в здешних органах, к которому можно бы было обратиться. И какой результат твоих поисков? Нашел кого-нибудь?

— Представь себе, кое-какой результат есть, — отвечал Гуров. — Понимаешь, в полицейских кругах все друг друга знают. Особенно если ты давно работаешь и встречался по работе с множеством людей. Так что я поспрашивал своих друзей, просто коллег, кого давно знаю: нет ли у кого надежного человека в Рубцовске? И мне такого человека подсказали. Даже двух таких людей. Один — капитан Леонид Башмаков. Он служит в отделе борьбы с экономическими преступлениями. Мне его рекомендовал полковник Сергей Муравьев — ну, ты, Стас, его знаешь. А другой надежный человек... Другого человека мне рекомендовал всем нам хорошо известный полковник Воронин. И этот его надежный человек — полковник Дятлов Иван Семенович...

— Вот оно как! — Крячко покачал головой. — Выходит, чутье меня не подвело. Если уж такой человек, как Илья Ильич Воронин, рекомендует этого Дятлова, значит, он точно порядочный человек. А стало быть, все, что мне говорил начальник здешнего Управления про неуживчивый и склочный характер Дятлова, про взятки и прочее — чистая туфта.

— Несомненно, — согласился Гуров. — Следовательно, Дятлов, как честный человек и полицейский, встал здешнему руководству поперек дороги. И его устранили. Чем он так им помешал? Какие язвы хотел вскрыть? Вот это нам и предстоит узнать. И в этом нам поможет второй названный человек — этот самый капитан Башмаков.

— Если только его тоже не устранили, — заметил Крячко. — А мы об этом еще просто не знаем.

— Да, такая опасность существует, — кивнул Гуров. — Однако не будем гадать. Сейчас мы этот контакт проверим. И проверять будешь ты, капитан.

Он повернулся к Ряшенцеву.

— Вот тебе телефон Башмакова. Позвони ему, представься и скажи, что ты звонишь из Москвы по рекомендации полковника Муравьева и что тебе нужно посоветоваться относительно некоторых способов ухода от налогов. А там послушаешь, что он тебе скажет. Если не захочет разговаривать — это будет одна история. А если пойдет на контакт — говоришь, что находишься вовсе не в Москве, а здесь, в Рубцовске, и назначаешь встречу.

— Но к чему такие сложности, Лев Иванович? — удивился Ряшенцев. — Не проще ли сразу сказать, в чем дело? И вообще мне кажется, было бы правильной звонить вам, а не мне...

— Не спорь со старшими по званию — в угол поставят, — назидательно произнес Крячко. — Лев дело говорит. Вот сейчас он тебе все объяснит.

— Прямо сказать, что ты в Рубцовске, и объяснить, зачем приехал, нельзя, — принялся раскладывать по полочкам Гуров. — А что, если этот Башмаков перешел на чужую сторону?

— Ну, на темную сторону силы, понимаешь? — добавил Крячко.

— В таком случае мы сразу выдадим противнику все наши планы, — продолжал Гуров, не обратив внимания на реплику Крячко. — И мне самому нельзя звонить сразу, по той же причине. Меня все знают. Если начальник Управления узнает, что я приехал, он сразу сообразит, что на него началась серьезная охота, и заляжет на дно, постарается уничтожить все улики, а заодно и свидетелей. Нет, прежде чем разговаривать с этим Башмаковым откровенно, сообщать ему о наших планах, нужно убедиться, что он свой человек. Вот эту задачу ты и должен решить. Если мы убедимся, что капитану можно доверять, тогда уже в игру вступлю я. И я буду с ним беседовать.

После этого Гуров повернулся к Крячко.

— А ты, Стас, должен встретиться с вдовой полковника Дятлова, — сказал он. — Ты человек опытный, долго объяснять, о чем спрашивать и как делать выводы, не надо. Ты сразу многое поймешь уже по первым словам этой женщины. И если сумеешь завоевать ее доверие, сможешь многое узнать о том, что происходит в Рубцовске и отчего погиб ее муж. И лучше всего провести эту встречу сейчас, не откладывая. Провести, пока люди генерала Потапова не знают, где ты находишься и что собираешься делать. Ведь за тобой не было слежки, когда ты явился сюда к нам?

— Ты меня прямо обидеть хочешь, Лев Иваныч, — отозвался Крячко. — Неужели бы я вошел в этот дом, если бы у меня было хоть малейшее подозрение, что я привел сюда «хвост»? Нет, конечно, генерал не знает, что я здесь.

— Вот и прекрасно, — заключил Гуров. — Телефон вдовы, я надеюсь, ты успел узнать?

— Успел, — кивнул Крячко. — И вдовы, и старшей дочери.

— Тогда звони и иди встречайся, — сказал Гуров. — А ты, капитан, звони своему коллеге капитану Башмакову. Его телефон я тебе дал. Ну, а я посижу, подожду результатов ваших переговоров.

Крячко, чтобы вести переговоры с вдовой погибшего полковника Дятлова, ушел на кухню, а Ряшенцев стал звонить, не сходя с места. А Гуров слушал их переговоры и уже вскоре мог догадаться о их результатах. Первым эти результаты доложил Ряшенцев.

— Башмаков ответил мне охотно, — начал рассказывать он. — Сказал, что хорошо помнит полковника Муравьева, у которого он стажировался, помнит и других сотрудников Главка. И что даст мне подробную консультацию по электронной почте, и адрес своего почтового ящика оставил. А в конце добавил: «А если останутся еще какие-то вопросы, то их лучше задать при личной встрече. Тогда приезжайте к нам в Рубцовск, приходите ко мне в Управление, там и поговорим. Или заходите в кафе «Дорожное», я там обычно обедаю». Я обещал, что внимательно изучу его ответы по почте, но личный контакт желателен. Так что я, скорее всего, приеду в Рубцовск. На этом наш разговор и закончился.

— Что ж, можно считать, что это хороший результат, — заключил Гуров. — Я его понимаю следующим образом. Капитан Башмаков, во-первых, понял, что на самом деле тебя интересуют не вопросы ухода от налогов, а события в Рубцовске. Во-вторых, он, видимо, догадался, что ты находишься здесь, в его родном городе. Иначе зачем ему сообщать тебе название кафе, в котором он любит обедать? А в-третьих, он фактически назначил тебе

встречу в этом кафе. Так что тебе надо написать ему по адресу, который он тебе оставил, и в этом письме между строк намекнуть, что ты хочешь с ним встретиться, и назначить время — но так, чтобы посторонние об этом не догадались. Что ж, завтра, надеюсь, вы встретитесь, и мы получим достоверную информацию о происходящем в городе Рубцовске. Так, а что у тебя, Стас?

Этот вопрос был адресован Крячко, который только что вернулся с кухни.

— У меня ничего хорошего, — отвечал тот. — Я имел беседу с Валентиной Ивановной Дятловой — имя и отчество женщины я узнал заранее, из личного дела погибшего полковника. И большую часть времени я потратил на то, чтобы ее успокоить и убедить не бросить немедленно трубку.

— То есть она не хотела говорить? — уточнил Гуров.

— Категорически не хотела, — подтвердил Крячко. — Все время твердила: «Я ничего не знаю», или «Я уже все рассказала, что от меня хотели узнать», или «Оставьте меня наконец в покое». Напрасно я говорил, что хочу восстановить доброе имя ее мужа, которого обвиняют во взятках, в других неблагоприятных делах, представляют склочником. Никакие уговоры на нее не действовали. А когда я спросил про дочь, не захочет ли она защитить доброе имя отца, Валентина Ивановна впала в истерику и стала кричать, что она не даст запугать дочь, что мы свиньи, такие и сякие. И единственное, что я от нее узнал — что дочь Ирина уехала в Москву, бросила работу, квартиру и сейчас живет где-то в столице, скрываясь от всех знакомых из Рубцовска. Вот такой печальный итог моего разговора.

— Не такой уж он и печальный, — отреагировал на это Гуров. — Я вообще не ожидал слишком многого от звонка этой Валентине Ивановне. В нашей профессии мужья

редко делятся с женами служебными тайнами. Предпочитают вообще не обсуждать эти дела в семейном кругу. Так что если мы и могли получить от этого разговора какую-то информацию, то, скорее, негативную. То есть Валентина Ивановна могла, допустим, сообщить, что муж не приносил домой лишних денег, что они не стали в последнее время жить не по средствам. Она этого не сказала?

— Нет, о жизни семьи она ничего не говорила, — ответил Крячко. — Да она вообще ничего не говорила!

— Понятно. Но кое-какую информацию мы получили. Мы узнали, что жена погибшего полковника крайне испугана. Что ее так напугало? Ведь не слухи о плохом характере мужа или о его взятках! Ее бы это возмутило, но вряд ли перепугало. Значит, мы можем предположить, что Валентине Ивановне угрожали. Кто ее запугал, причем настолько, что она боится говорить с сотрудником полиции? Не бандиты, нет. Можно предположить, что ей угрожали такие же полицейские. Таким образом, мы выходим на генерала Потапова или кого-то из его окружения.

Крячко в задумчивости покачал головой.

— Значит, придется иметь дело с оборотнями в погонах, — сказал он. — Тяжелое дело, хуже всего, что можно представить. Помнишь, мы расследовали подобную ситуацию в Ейске Краснодарского края, а еще в Астрахани? В первом случае речь шла о переделе земельных угодий, во втором — о браконьерстве, о знаменитой черной икре. А что же могло послужить источником сверхдоходов здесь, в тихом степном городе?

— Везде может найтись что-то ценное, — отвечал на это Гуров. — Не забывай, что Рубцовск находится близко к границе. Из этой близости можно извлечь большие доходы. Но не будем гадать. Завтра Ряшенцев встретится с капитаном Башмаковым, и мы многое узнаем. А тебе, Стас, надо наведаться в тюрьму и постараться выведать подлин-

ную причину смерти тех двух заключенных. Мы должны прорвать завесу лжи, которой нас пытаются окружить!

— Да, стряхнуть лапшу, которую нам вешают на уши! — согласился Крячко с куда меньшим пафосом.

Глава 3

После ужина, когда Крячко ушел к себе «в лучшую гостиницу города», куда его устроило руководство Управления, Гуров и Ряшенцев убрали со стола и занялись каждый своим делом. Гуров сел изучать документы, которые ему выдал перед поездкой генерал Орлов, а Ряшенцев включил ноутбук и открыл почтовый ящик. Там уже лежало письмо от капитана Башмакова. Капитан сообщал свой адрес, а также писал: «Я готов выложить 14 документов по вопросу об уходе от налогов. Если этого будет мало, я еще 30 дней готов высылать такие документы».

Это письмо вызвало у Ряшенцева недоумение, и он обратился за помощью к Гурову. Тот глянул на письмо и уверенно ответил:

— Тут все ясно. Башмаков назначает тебе встречу и общает время. Место встречи он уже обозначил в вашей переписке — кафе «Дорожное». А тут говорится о времени: 14.30. Умный парень этот Башмаков. И это дает надежду, что с его помощью мы здешний клубок распутаем. Только ты уж постарайся при встрече оказаться на уровне твоего коллеги. Я вижу, что он все схватывает с лету. Вот и ты так постарайся.

— Но к чему такие сложности, шифры эти? — недоумевал Ряшенцев.

Гуров хмыкнул:

— А к тому, дорогой мой коллега, что капитан Башмаков опасается слежки. Если его заподозрят в недоста-

точной лояльности к деятельности руководства местного Управления, он может последовать за полковником Дятловым, понимаешь? Вот и шифруется мужик. И правильно делает, мало ли кто в его почту может заглянуть?

На следующий день ровно в 14 часов 30 минут Ряшенцев вошел в указанное в письме кафе. Он внимательно оглядел помещение и заметил сидящего за столиком в дальнем углу молодого парня. Парень был в гражданской одежде: джинсы, легкий свитерок. Он ничем не походил на полицейского, тем более на оперативника. И он был даже моложе самого Ряшенцева — ему было примерно 27–28 лет, не больше. Больше всего он был похож на офисного работника, зашедшего в это рабочее кафе перекусить. Тем не менее Ряшенцев сразу понял, что это и есть Леонид Башмаков. Слишком жестким и цепким оказался взгляд у этого парня.

В «Дорожном» не было обычных официантов, заказ надо было делать у стойки. Ряшенцев выбрал себе обед и попросил принести за столик, за которым сидел «офисный работник». После этого он сам направился к этому столику. Подойдя, сказал:

— А, привет! Ты уже здесь, я вижу.

Они обменялись рукопожатиями и сели. Оба, не сговариваясь, держали себя так, словно были давно знакомы. Перед Леонидом уже стоял его заказ. Тем не менее он не стал есть, подождал, пока принесут заказанное Ряшенцеву. Они вместе приступили к еде, и тогда Башмаков заговорил:

— Как я понимаю, ты приехал в связи со смертью Ивана Семеновича?

— Ты про Дятлова? — уточнил Ряшенцев. — Ну да, из-за этого. Руководство Главка хочет разобраться в этой ситуации. В Москве не верят в объяснения, которые дает ваше руководство.

— И правильно делают, что не верят, — кивнул Башмаков. — Это не объяснение, а подделка, причем на редкость топорная. В Рубцовске каждый, кто имел дело с полицией, знает, что Дятлов был человеком безупречной честности, настоящим порядочным человеком. И он никогда бы не покончил с собой — не тот типаж.

— Значит, его убили? — спросил Ряшенцев.

— Конечно, убили, — кивнул Башмаков. — Но не спрашивай меня, кто это сделал — этого я не знаю. Думаю, тут использовали нанятых киллеров — в полиции вряд ли бы нашлись люди, даже самые бессовестные, кто бы поднял руку на полковника Дятлова.

— Ладно, об убийцах я тебя спрашивать не буду, — обещал Ряшенцев. — Тогда скажи: из-за чего весь этот сыр-бор? Что такого мог узнать Дятлов, из-за чего его потребовалось убивать?

— Этого я тоже в точности не знаю, — отвечал Башмаков. — Но я знаю, что последние два месяца Иван Семенович интересовался делами транспортной компании «Фаворит-Р», ее директором Русланом Безруковым. А у нас в городе, должен тебе сказать, с Русланом Безруковым никто связываться не хочет.

— Ну-ка, ну-ка, это интересно, — оживился Ряшенцев. — Расскажи мне, что это за Безруков, почему он такой страшный, почему его все боятся?

— Безруков в прошлом был мелким бандитом, — начал рассказывать Башмаков. — Обычный боец в банде известного авторитета Барсука. В конце 90-х всех авторитетов или поубивали, или посадили, а вот мелочь, вроде Безрукова, смогла выбиться в люди. Он создал свою компанию, занялся перевозками. Только бизнес у него был своеобразный: все конкуренты фирмы «Фаворит» бесследно исчезали. Или с ними случались разные несчастья. А их предприятия поглощал тот самый «Фаворит».

Сейчас эта компания контролирует почти половину всех грузовых перевозок на территории области.

— А как же вашему рукастому Безрукову это все сходило с рук? — удивился Ряшенцев. — Неужели правоохранительные органы им ни разу не заинтересовались?

— Интересовались, и не раз, — отвечал Башмаков. — И даже уголовные дела на него возбуждали. Но эти дела, как правило, не доходили до суда или разваливались в суде. Известно, что Безруков водит дружбу с такими людьми, как прокурор Тимур Султанов и судья областного суда Елена Потрясилова. Но до последнего времени влияние этого бандита на городские дела было все же ограниченным. Ограничивал его прежний начальник нашего Управления Аркадий Серебряков. Но в январе Серебрякова перевели в Москву, на повышение, а нам прислали генерала Потапова. И с этого момента Безруков вошел в полную силу. Они с Потаповым сразу нашли общий язык. И теперь даже речи не может идти о том, чтобы расследовать какие-то незаконные действия Руслана Безрукова. Единственный, кто попробовал бросить вызов этому всевластному бандиту, стал полковник Дятлов. И ты уже знаешь, что из этого вышло.

— Но на чем держится влияние этого бывшего бандита? — продолжал интересоваться Ряшенцев. — Подумаешь, крупная транспортная компания! Такие компании в каждом городе есть. У этого вашего местного Рокфеллера должны быть какие-то источники сверхдоходов, из которых он платит и прокурору, и судье, и вашему генералу, и себе на жизнь еще остается. Что это за источник?

— Этого я тебе не скажу, — отвечал Башмаков. — Этого я достоверно не знаю. Знаю только, что Дятлов расследовал деятельность Безрукова и в рамках этого расследования задержал двух граждан — Деменюка и Чердынцева.

— Так это те самые заключенные, которые умерли в тюрьме! — воскликнул Ряшенцев.

Кажется, он это произнес слишком громко; из-за соседних столиков на них оглянулись. Капитан учел свой промах и продолжал уже тише:

— Эти смерти мы тоже хотим расследовать. Пока что ваше руководство дает такое официальное объяснение: что это двое рецидивистов, отпетых уголовников, которые боролись за власть среди заключенных. В ходе этой борьбы вступили в схватку, и она оказалась смертельной: бандиты друг дружку зарезали.

— Серьезно? — изумился Башмаков. — Наши так утверждают? Но это же... Просто смех, да и только.

— Да, было бы смешно, если бы не было так грустно, — заметил Ряшенцев.

— Нет, правда, так говорить можно только в шутку, — продолжал Башмаков. — Тут верно только одно: что оба этих гражданина были далеко не ангелы, каждый имел по паре судимостей. Но они были совсем не то, что называют «авторитеты». Обыкновенные сбытчики, сидели, насколько мне известно, по 282-й статье. Уже не говоря о том, что почти никогда не бывает так, чтобы два человека вступили в поножовщину и оба погибли. Гибнет кто-то один, другой выходит победителем. И вообще, бандиты перестали уважать ножи, сейчас в основном пользуются пистолетами, карабинами. Нет, эти двое погибли совсем не так, их смерть надо расследовать. Но погоди, капитан, тут возникает вопрос. Ты сказал: «Эти смерти мы тоже хотим расследовать». Выходит, ты не один приехал в Рубцовск? Кто эти «мы»? Кто еще с тобой прибыл?

Ряшенцев восстановил в памяти инструкции, которые ему дал Гуров, и решил, что наступил тот момент, когда можно раскрыть карты.

— Нет, не один, — сказал он. — Со мной приехал полковник Лев Гуров. Мы ведем расследование негласно, не представляясь руководству вашего Управления. А полковник Крячко приехал открыто, и его теперь возят по всяким турбазам, потчуют шашлыками и не говорят ни слова правды.

— Вот оно что! — уважительно протянул капитан Башмаков. — Значит, сам Гуров к нам приехал! Ну в таком случае есть надежда, что наши здешние темные дела выйдут наружу и получают должную юридическую оценку. Это просто замечательно! Я постараюсь оказать вам всю возможную помощь. Теперь давай условимся, как будем держать связь. У тебя есть кнопочный телефон?

— Есть, — ответил Ряшенцев.

— И у меня есть, — сказал Башмаков. — Причем он на меня не зарегистрирован, я его с рук купил. Вот мой номер. Позвони мне сейчас, и я буду знать твой номер. Так мы и будем держать связь. А если понадобится, будем встречаться здесь, в это же время. Ну, давай, звони.

— Сейчас позвоню, — ответил Ряшенцев. — Только сперва ответь мне еще на один вопрос. Скажи: ты не посылал в Москву электронное письмо обо всех здешних событиях?

— В Москву? — удивился Башмаков. — Нет, не посылал. А кому я должен был его послать?

— Начальнику Главка генералу Орлову, — объяснил Ряшенцев. — Кто-то сообщил ему о гибели Дятлова, о том, что официальная версия его смерти — ложная. Собственно, из-за этого письма нас сюда и послали. Значит, это не ты писал... Ладно, этот вопрос мы еще выясним. А сейчас я тебя наберу.

Ряшенцев позвонил по номеру, который ему дал Башмаков, после чего они поднялись и вышли из столовой — сначала Башмаков, а после пятиминутной паузы — его

московский коллега. Выйдя из кафе, капитан Ряшенцев задумался, чем можно заняться. Гуров ему не давал других заданий, кроме встречи с Башмаковым. Вот, встречу он провел. Не сидеть же без дела половину дня! И капитан решил, что имеет смысл проверить сведения, только что полученные от Башмакова. Тот рассказал о транспортной компании «Фаворит-Р», об огромном влиянии ее владельца Руслана Безрукова. «Вот и надо поглядеть на эту компанию, — подумал Ряшенцев. — На людей, которые там работают, на их деятельность. Может быть, удастся с кем-то познакомиться, поговорить...» И он достал телефон и задал поиск по названию транспортной компании.

...Стас Крячко еще ночью обдумал разные варианты своих действий на предстоящий день. Можно было, например, потребовать от генерала Потапова, чтобы тот дал ему адреса адвокатов, которые защищали погибших «опасных рецидивистов» Деменюка и Чердынцева. Но что, если эти адвокаты окажутся такими же липовыми, как и все объяснения руководителя рубцовского Управления? Что, если это будут официальные адвокаты, назначенные судом? Тогда Крячко от них ничего не узнает.

Можно было действовать по-другому: притвориться «человеком из зоны», только что вышедшим на свободу и ищущим, чем заняться. Стас Крячко имел такой опыт, знал, как наладить контакт с криминальным миром. Но этот способ требовал времени. Кроме того, надо было вырваться из гостеприимных объятий генерала Потапова и его подчиненных. А этого Крячко пока что делать не хотел. Не хотел утратить свой легальный статус, положение «столичного ревизора». «Вот Гуров мне прикажет уходить в свободный поиск, тогда и уйду», — решил Крячко.

И он выбрал третий вариант действий. С раннего утра, когда хозяева из руководства Управления полагали, что столичный гость спит, гость с помощью телефона вошел

в интернет и стал искать упоминания о тех людях в Рубцовске, которые по зову совести занимались защитой прав несправедливо осужденных и обиженных. По своему опыту Крячко знал, что такие люди имеются в каждом крупном городе. В одних городах их было больше, в других меньше, но хотя бы один такой человек всегда находился.

После часовых поисков в мировой сети оперативник нашел то, что искал. Юрист Сергей Борисович Бельский еще шесть лет назад основал в Рубцовске бюро помощи «Солидарность» и давал всем желающим юридические консультации. Если человек был в силах заплатить за такую консультацию, он платил. А если денег совсем не было, то получал помощь и вовсе бесплатно. Кроме того, Бельский был готов защищать людей, которые к нему обратились, в суде. В интернете Крячко нашел ряд публикаций самого Бельского о разных случаях нарушения прав, а также заметки о деятельности бюро «Солидарность». Некоторые комментарии были откровенно ругательные, в других, напротив, выражалась благодарность юристу. А самое интересное заключалось в том, что оперативник обнаружил две публикации, в которых рассказывалось о делах Деменюка и Чердынцева. В них сообщалось, что этих граждан судят по статье 228, за хранение наркотиков в особо крупном размере. Бельский в своих текстах утверждал, что обвинение не доказано, мало того — грубо подтасовано, и обвинял в подтасовках руководство рубцовского Управления и лично генерала Потапова.

«Вот человек, который мне нужен, — решил Крячко. — Осталось с ним связаться, и он мне все расскажет». Но тут он встретил неожиданную трудность. В публикациях были указаны два телефона Бельского — один телефон бюро «Солидарность» и другой — самого юриста. Однако сколько оперативник ни набирал эти номера, ни один

из них не отвечал. В публикациях также был указан адрес бюро. И Крячко решил немедленно, еще до встречи с Потаповым, отправиться по этому адресу — благо «Солидарность» располагалась в центре города, недалеко от гостиницы, в которой поселили оперативника.

Часы показывали половину десятого, когда Крячко подошел к нужному ему зданию. Бюро уже должно было работать, принимать посетителей. Но когда сыщик подошел ближе, он убедился, что работать бюро «Солидарность» не собиралось. Сама вывеска с названием бюро еще висела на стене. Но ниже нельзя было увидеть доску с графиком работы бюро: лишь темное пятно на стене говорило, что раньше здесь висела такая доска. А на окнах бюро красовались красные плакаты с надписями «Аренда» и «Продажа». Было ясно, что бюро «Солидарность» закрылось.

— Стало быть, никакой солидарности в Рубцовске больше не осталось, — произнес Крячко в задумчивости, ни к кому не обращаясь. А про себя подумал: «И где же мне теперь искать этого Бельского? Пойти в адресный стол и там взять домашний адрес?»

И вдруг прямо у себя над ухом оперативник услышал низкий мужской голос, сказавший:

— Не надо ходить в адресный стол, товарищ Крячко. Ничего вам там не дадут, никакого адреса.

Сыщик стремительно обернулся... и увидел рядом с собой Льва Гурова. Правда, одетый в потертые джинсы и старую куртку, в кепке, надвинутой на самые глаза, сыщик сильно изменился, его было трудно узнать.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Крячко друга.

— Думаю, то же самое, что и ты, — отвечал Гуров. — Я же не знал, чем ты сегодня собираешься заниматься. Думал, ты в СИЗО пойдешь, искать свидетелей гибели Деменюка и Чердынцева. Ну, а мне ход в здешнее СИЗО закрыт. Так я решил обратиться к помощи правозащитни-

ков. Ну, а дальше мы с тобой, видимо, шли одним путем — через интернет. И что ты собираешься делать дальше?

— Я, в общем, ничего не собираюсь, — пожал плечами Крячко. — Мне пора уже в гостиницу возвращаться, а то местное начальство шум поднимет, что они меня потеряли. А вот что ты думаешь делать?

— Но это же очевидно, — сказал Гуров. — Надо искать Сергея Бельского через его друзей — других правозащитников и журналистов. Я оцениваю ситуацию следующим образом: местная мафия, устроившая гибель полковника Дятлова, не могла терпеть деятельность такого человека, как Бельский, и постаралась его также уничтожить. Ну, может, не физически — это могло получиться слишком громко, поднялся бы шум, — а заставить его замолчать. Вот и офис его закрыли... А Бельский, чтобы спастись, залег на дно. Каким-то общедоступным путем теперь до него не доберешься. Надо искать его друзей, действовать через них.

— Ну да, ты ведь у нас любишь общаться с журналистами, получать от них информацию, — сказал Крячко. — Ладно, флаг тебе в руки. Вечером встретимся, расскажешь, что тебе удалось узнать.

— А ты мне поведаешь о своих успехах, — кивнул Гуров.

И Крячко отправился назад в гостиницу. А Гуров достал телефон и нашел в нем один адрес, который он на всякий случай скачал сегодня утром...

Глава 4

Адрес, который скачал сыщик, относился к редакции единственной в области газеты, которая критически отзывалась о действиях здешнего губернатора и главы рубцовской полиции. Газета называлась «Просто новости», и ее редакция располагалась в стороне от центра города,

в районе унылых пятиэтажек на улице XX съезда ВЛКСМ. Гуров дождался нужного ему автобуса и поехал на эту «съездовскую» улицу.

Он доехал до нужной остановки, отыскал нужный дом, обошел его кругом... и остановился в недоумении. Улица была, дом, указанный на сайте редакции, был — а самой редакции не было. Во всяком случае, ничто не говорило о ее присутствии по указанному адресу.

Лишь обойдя вокруг дома во второй раз, сыщик обнаружил возле третьего подъезда неприметную табличку со словами «Просто новости» и номером квартиры. Сыщик набрал этот номер на домофоне и услышал женский голос, который настороженным тоном спросил:

— Кто там?

— Я приехал из Москвы, чтобы ознакомиться со здешними делами, — ответил Гуров. — Мне надо во всем разобратся, и если здесь совершаются преступления, наказать виновных. Для этого нужен кто-то, кто может рассказать мне правду.

— Правду? — переспросила женщина. — Что ж, тогда вы, наверное, пришли по адресу. Поднимайтесь на пятый этаж, квартира 57.

И дверь щелкнула, открываясь. Гуров поднялся на пятый этаж и уже собирался нажать кнопку звонка возле двери с номером «57», когда заметил, что сквозь дверную щель за ним наблюдает чей-то внимательный глаз. Затем дверь открылась ровно настолько, чтобы сыщик мог войти, и как только он вошел, сразу закрылась.

Гуров оказался в прихожей, где на вешалке можно было заметить несколько курток. Слева от прихожей видна была комната, справа — вход на кухню. Из комнаты доносились голоса, виднелись столы, на которых стояли компьютеры. В целом это было совсем не похоже на квартиру, скорее, напоминало офисное помещение. А прямо

перед сыщиком стояла женщина, которая впустила его в редакцию. На вид ей было лет сорок: черные волосы, карие глаза, настороженно глядящие на гостя.

— Я заместитель редактора, меня зовут Ирина Борисовна Забелина, — сказала она. — Пойдемте на кухню, там вы расскажете, кто вы такой и зачем приехали.

Они повернули направо и прошли на кухню. Впрочем, только газовая плита и маленький холодильник указывали, что это кухня. Зато здесь стояли два стола, и на одном виднелся ноутбук. Забелина села за этот стол, указала сыщику место напротив, затем спросила:

— Итак, кто вы и зачем приехали?

— Вот вам моя визитная карточка, — сказал сыщик, доставая удостоверение. — Как вы можете убедиться, меня зовут Лев Иванович Гуров, я полковник полиции и работаю в Москве. Я прибыл в Рубцовск, чтобы выяснить подлинные причины гибели полковника Ивана Дятлова, и вообще понять, что здесь у вас происходит.

Гуров заметил, что выражение лица его собеседницы изменилось. Вместо настороженности в чертах появились удивление и надежда.

— Значит, вы — знаменитый Лев Гуров? — спросила она. — Это замечательно, что вы к нам приехали. Значит, есть надежда, что бандиты, захватившие власть в нашем городе, понесут заслуженное наказание. А почему вы пришли именно к нам в редакцию?

— Понимаете, вообще-то я хотел встретиться с правозащитником Бельским, — начал объяснять сыщик. — Надеялся узнать о судьбе двух граждан, которых он защищал. Но обнаружил, что его офис закрыт и даже выставлен на продажу, а его телефоны не отвечают. Вот тогда я и обратился к вам. Вы не знаете, где Бельский?

— Почему же, знаю, — отвечала Забелина. — Сергей Борисович в сопровождении нашего корреспондента Ко-

сти Павлова ушел к себе домой, чтобы проводить свою семью, жену и сына, на вокзал. Они срочно уезжают из города, потому что здесь им угрожает опасность. Поэтому мы и направили Костю их провожать — он у нас спортсмен, боксом занимался. Где-то через полчаса они должны вернуться.

— И, как я понимаю, жить Бельский тоже будет не у себя дома, а где-то в другом месте? — уточнил Гуров.

— Да, мы его будем прятать, — кивнула заместитель редактора. — Наверное, у вас возникает резонный вопрос: почему такие меры предосторожности? Кто угрожает гражданину, который не совершил никаких преступлений? Отвечу: Бельскому, а также и нам, независимым журналистам, угрожает преступный синдикат, который захватил власть в нашем городе. В этот синдикат входят, с одной стороны, владелец компании «Фаворит-Р» Руслан Безруков и близкие к нему бизнесмены, а с другой — наши правоохранители: генерал Потапов, прокурор Тимур Султанов, судья Елена Потрясилова, некоторые заместители Потапова. Они подмяли под себя закон, и теперь законным путем в Рубцовске ничего нельзя добиться.

— Все это я, в общем, уже слышал, — сказал Гуров. — Но меня, как представителя того самого закона, интересуют факты, которые можно представить в суде. А еще интересуют свидетели, которые могут в этом суде выступить. Вот нам говорят, что полковник Дятлов не покончил самоубийством, что его убили. Кто может об этом рассказать? Кто выступит свидетелем? Или эти двое, Деменюк и Чердынцев, которые умерли в СИЗО. Кто может рассказать об их смерти?

Ирина Забелина кивнула.

— Я вас понимаю, — вздохнула она. — Да, вам нужны факты, а не оценки. Что ж, о судьбе этих двух парней вам сможет рассказать Бельский. Он представлял их ин-

тересы, беседовал с ними. Власти потому его и преследуют, что он может разоблачить этот эпизод. Что же касается смерти Дятлова... Я точно знаю одно: Дятлов погиб в здании Управления. Может быть, не в своем кабинете, но на работе. Значит, его убили свои, то есть сотрудники полиции. Это не киллеры Безрукова, не парни из его фирмы «Бастион».

— А что это за фирма? — заинтересовался Гуров. — Какой-нибудь ЧОП?

— Так и есть, — кивнула Забелина. — Охранное предприятие Безруков создал даже раньше, чем фирму «Фаворит-Р». И первые полгода зарабатывал на жизнь в основном охранными услугами. Впрочем, там речь шла в основном не об охране, а о разного рода насилии. Например, его бугаи выполняли роль коллекторов — помогали банкирам выбивать долги из несостоятельных должников, участвовали в наездах на несговорчивых предпринимателей...

— И много у него таких бугаев? — спросил Гуров.

— Вполне достаточно, — отвечала Забелина. — Полного списка у нас, понятное дело, нет, но мы оцениваем частную армию Безрукова примерно человек в тридцать. Для такого города, как Рубцовск, это большая сила. Но если вернуться к гибели полковника Дятлова, я повторю: вряд ли в этом убийстве участвовали эти охранники. Вам нужно искать преступников в самом Управлении. А вы уже знакомы с начальником Управления, генералом Потаповым?

— Нет, не знаком, — отвечал Гуров. — Видите ли, я прибыл в Рубцовск негласно. И поселился на квартире, хозяин которой не требует, чтобы его гости обязательно регистрировались в полиции.

— То есть вы сами нарушаете закон, — усмехнулась Забелина. — В данном случае — закон о регистрации.

— Да, это, конечно, нехорошо, но иначе нам не удастся наладить работу, — сказал Гуров. — Странная ситуация... И поэтому я должен вас попросить: ни в коем случае никому не говорить, что я нахожусь в Рубцовске. Ну, кому-то из коллег вы все равно скажете, но важно, чтобы как можно меньшее число людей об этом знало.

— А еще Бельский будет о вас знать, — напомнила Забелина. — Ведь вы хотели с ним встретиться. А вот, кстати, и Сергей Борисович, легок на помине.

Действительно, Гуров услышал, как открылась дверь квартиры. Из кухни он видел, как в переднюю вошел невысокий человек лет пятидесяти. Волосы у вошедшего были редкие и почти совсем седые, но при этом правозащитник мог похвастаться окладистой бородой, тоже наполовину седой.

Ирина Забелина привстала и призывно замахала рукой, приглашая вошедшего в кухню.

— Сюда, сюда проходите, Сергей Борисович, — позвала она. — Тут к вам приехали. Как раз тот человек приехал, который вам сейчас нужен.

Правозащитник быстро снял куртку и вошел.

— Ага, вижу, что у нас гость, — сказал он, улыбнувшись немного криво, словно съел что-то кислое. — И кто же этот человек, который мне сейчас нужен, как выразилась Ирина?

Гуров поднялся и представился. Услышав его фамилию, Бельский покачал головой.

— И правда о таком я мог только мечтать, — сказал он. — Сам Лев Гуров прибыл в наш город. Большого и желать нельзя.

— Ну, я вас тут вдвоем оставлю, — резко поднялась Забелина. — А сама хоть немного работой займусь. Мне еще колонку писать надо, статьи наших корреспондентов просмотреть... Думаю, вы без меня сможете обойтись.

Она вышла, прикрыв за собой дверь.

— Так что вы хотели у меня узнать, Лев Иванович? — спросил Бельский. — Спрашивайте. А то, если я начну рассказывать обо всех беззакониях, которые у нас здесь творятся, то до вечера не закончу.

— Хорошо, давайте говорить о конкретных вещах, — согласился Гуров. — Но прежде чем мы начнем наш разговор, я хотел вас предупредить о том же, о чем только что говорил Ирине Борисовне. Я прибыл в Рубцовск, не сообщив о своем приезде ни генералу Потапову, ни другим сотрудникам здешнего Управления. И живу я не в гостинице, а на квартире, никому не сообщая своего адреса. То есть наше с вами положение в настоящий момент чем-то схоже. Поэтому я буду просить вас никому не сообщать, что Лев Гуров находится в Рубцовске, и вы с ним виделись.

— Договорились, — согласился Бельский. — Да, сейчас мы с вами в похожем положении. Итак, что вас прежде всего интересует?

— В первую очередь я хочу узнать, что произошло с вашими подзащитными, Деменюком и Чердынцевым, — сказал Гуров. — Я хочу узнать, как они погибли, и если тут было совершено преступление, как мы можем это доказать.

— Что ж, как раз в этом вопросе я вам могу помочь, — откликнулся Бельский. — Итак, давайте начнем по порядку. С Ильей Деменюком и Сергеем Чердынцевым я познакомился в церкви.

— В церкви? — Гуров не мог сдержать удивления. — Стало быть, вы человек верующий? Среди правозащитников такое встречается редко...

— Нет, нет, я от вопросов веры очень далек! — заверил его Бельский. — Но в своей правозащитной деятельности я поддерживаю контакты со множеством самых раз-

ных людей. В частности, в число моих знакомых входит и пастор лютеранской церкви Петра и Павла Константин Кондратьев. Но я знаком с ним не как с пастором, а как с руководителем реабилитационного центра для лиц, страдающих от наркотической и алкогольной зависимости. Этот центр действует при церкви, и в нем проходили лечение некоторые мои клиенты.

— И насколько успешно они это лечение проходили? — спросил Гуров.

— В тоне вашего вопроса я чувствую большое недоверие, — заметил Бельский. — Действительно, подобное лечение редко дает какой-либо результат. Человек держится ровно столько, сколько находится в этом центре, под контролем. А стоит ему выйти, так сказать, на волю, как все начинается сначала. Но у лютеран, должен признать, часто получалось отвлечь своих подопечных от пагубных пристрастий совсем. Они даже сами становились наставниками для других зависимых, вытаскивали их из трясины. Несколько моих клиентов, которых я защищал в судах по 228-й статье, лютеране таким образом спасли. Поэтому я охотно поддерживал контакт с господином Кондратьевым, или «братом Константином», как он себя называл.

Так вот, четыре месяца тому назад, в мае, господин Кондратьев привел ко мне в бюро двоих своих подопечных. «Вот это Илья, а это Сергей, — сказал он. — Они месяц назад пришли ко мне, чтобы мы помогли им избавиться от зависимости. И мы им в этом помогли; к настоящему времени зависимость у обоих ликвидирована. Зато у них возникли проблемы иного рода, связанные с нашими правоохранительными органами. Я тут помочь не могу. Может быть, у вас получится?»

Я, естественно, попросил рассказать, что за проблемы. И тогда Илья и Сергей поведали мне вот какую историю.

В нашем городе, рассказали они мне, давно существовала развитая сеть торговли разного рода наркотиками. А в последние месяцы — как раз когда они сами решили покончить с зависимостью — эта сеть начала бурно развиваться. Наркодилеры принялись искать новых продавцов «дури». И на стенах домов, на столбах, на мусорных баках стали появляться лаконичные объявления с коротким текстом «Выгодная работа. Деньги сразу». И рядом номер телефона. Те, кто звонил по этому телефону, узнавали, что им нужно будет делать так называемые «закладки» — прятать в условных местах пакеты с зельем. Оплата за такую работу шла как деньгами, так и самим этим зельем.

Илья и Сергей, которые к тому времени осознали все зло, которое несут наркотики, стали эти объявления срывать или закрашивать. И занимались этим благим делом около месяца, пока на них обоих не напали здоровенные парни с бейсбольными битами. Они моих новых знакомых сильно избили, а затем предупредили, что если те и дальше будут им мешать, то их просто закопают в землю.

Деменюк и Чердынцев посоветовались с пастором Кондратьевым. Тот внимательно выслушал их историю и сказал, что дело серьезное и что ради их блага он советует им обоим прислушаться к требованию бугаев с битами и не обращать внимания на проклятые объявления. Илья и Сергей вняли совету и стали ходить мимо объявлений, будто их не видят. Но потом Илья Деменюк пару раз все же не выдержал и сорвал несколько бумажек. И тут случилось нечто вовсе неожиданное. Илью, а затем и Сергея арестовали, посадили в СИЗО и обвинили в том, что они... распространяют наркотики, причем в больших объемах.

— Просто так обвинили, ни с того ни с сего? — недоверчиво спросил Гуров.

— Почему же ни с того ни с сего? — возразил Бельский. — У обоих друзей на квартирах провели обыски. Кроме того, их обыскивали при задержании. И при обысках, а также при личном досмотре у них нашли пакетики с белым порошком. Так что доказательная база у обвинения имелась.

— Значит, вы взялись защищать этих парней от фабрикованного обвинения? — спросил Гуров. — И тогда с ними познакомились?

— Нет, не тогда, — Бельский покачал головой. — Когда им только предъявили обвинение, Кондратьев подыскал парням адвоката, который часто вел дела по 228-й статье. Но тут выяснилось, что положение двух друзей хуже, чем они думали. Уже в тюрьме к ним подошли «авторитетные» люди и сказали, что парни провинились перед Русланом Игоревичем, то есть перед Безруковым. И теперь их не просто засудят, а на части разрежут, если они не согласятся торговать дурью. Вот если согласятся, тогда их, может быть, и простят. Деменюк и Чердынцев испугались и послушались совета «опытного адвоката», решились сотрудничать с синдикатом Безрукова. И уже на следующий день им заменили заключение под стражей под подписку о невыезде и выпустили из СИЗО. Тогда-то они и пришли ко мне.

— Да, необычная история, — Гуров покачал головой. — Мне о таком еще не приходилось слышать. Получается, что бандиты чувствовали себя в СИЗО настоящими хозяевами. Они, а не прокуратура и следователи, определяли меру пресечения, характер обвинения и все прочее.

— Так оно и есть, — кивнул Бельский. — У нас в Рубцовске правоохранительная система и ведущий бандитский клан полностью срослись. А теперь, прямо в эти дни, они делают следующий шаг в установлении полного

контроля над городом: они перешли к физическому уничтожению всех, кто может их разоблачить, предать огласке их дела. Первыми жертвами пали Деменюк, Чердынцев и полковник Дятлов. Следующей жертвой, видимо, должен стать я.

— Похоже, что так, — задумчиво произнес Гуров. — Значит, я вовремя сюда приехал. Будем надеяться, что я сумею остановить этот бандитский натиск. Однако вы мне еще не рассказали, что было дальше с этими двумя парнями. Как произошло, что они снова оказались в тюрьме? И почему они погибли?

— Сейчас и до этого дойдем, — пообещал Бельский.

Глава 5

— Когда я познакомился с Деменюком и Чердынцевым, с их историей, — продолжил свой рассказ Сергей Бельский, — я решил, что главный рецепт их спасения — максимальная гласность. Надо как можно шире и громче рассказать обо всем, что с ними произошло, что им угрожает. Я верил, что гласность является универсальным способом борьбы со всякого рода преступностью. Жизнь показала, что я ошибался. Времена, когда статья в газете могла сохранить кому-то свободу, защитить от преследований — эти времена прошли. Но тогда я этого еще не понимал. Я устроил пресс-конференцию с участием этих парней, добился, чтобы статьи о них появились в газете «Наши новости», на сайтах некоторых других изданий. Но ни на телевидении, ни на радио не вышло никаких сюжетов об этой истории. Я должен был уже тогда понять, что разложение общества в нашем городе зашло слишком далеко, что надо менять тактику. Но я не сделал нужных выводов. И уже через два дня после пресс-конференции Де-

менюка и Чердынцева снова задержали и поместили в то же самое СИЗО. Я пытался добиться свидания с ними как их адвокат, но так ничего и не добился. А еще спустя неделю я узнал об их смерти.

— Официально считается, что они подрались и друг друга зарезали, — напомнил Гуров.

— Знаю я эту версию, — махнул рукой Бельский. — Большую глупость трудно даже вообразить. Вас, конечно, интересует, что случилось в СИЗО на самом деле и как можно подлинные события доказать в суде. На этот счет у меня есть одна зацепка. Всего одна, но вполне реальная. Эту зацепку зовут Лилия Семеновна Абрамова, и она работает контролером-надзирателем в СИЗО. Не буду рассказывать, каким образом я вышел на Лилию Семеновну — это длинная история. Главное, я с ней познакомился еще до того, как стал заниматься делом Деменюка и Чердынцева. От нее я получил много ценной информации о нравах, царящих в нашем изоляторе, о вопиющих нарушениях закона, которые там постоянно происходят. Я могу вам рассказать то, что услышал от Лилии Семеновны. Но мне кажется, будет правильной, если вы лично с ней побеседуете и сами все услышите.

— Это будет не просто правильной, это необходимо сделать, чтобы я мог оформить рассказ этой Лилии Семеновны как официальные показания, — отвечал Гуров. — Ведь моя задача в Рубцовске — не только раскрыть преступление, но и собрать материалы на уголовное дело, чтобы можно было привлечь преступников к суду.

— Да, вы правы, — согласился Бельский. — Мы живем в такое время, когда мало знать преступника — надо еще и располагать неопровержимыми уликами против него. А иногда и улик мало... В общем, если вам нужно увидеться с Абрамовой, собирайтесь, и пойдём в гости к ее племяннику. Обычно мы с ней там встречались.

Гуров и Бельский распрощались с гостеприимной журналисткой Ириной Забелиной и вышли из дома. Как заверил правозащитник, идти до квартиры племянника было недалеко — минут двадцать пешего хода. По дороге Бельский послал эсэмэс такого содержания: «Тетья Лиля, помогите погладить рубашки». А Гурову он объяснил:

— Это у нас с Лилией Семеновной условный код таковой. Племянник у нее учится в медицинском колледже. Он приехал в Рубцовск из села, и родители сняли ему квартиру. Мальчик он достаточно самостоятельный, сам себе готовит, покупает продукты, только для стирки и глажки ему нужна помощь тети. Ну, мы с ней и договорились, что эсэмэс насчет глажки, если в ней нет упоминания, что именно нужно погладить, — это не от племянника Пети, а от меня, и она означает, что я прошу Лилию Семеновну срочно прийти. Ей тут идти еще ближе, чем нам, так что она будет в квартире раньше нас.

И действительно, когда Гуров и Бельский поднялись на третий этаж девятиэтажки и позвонили, дверь им открыла женщина лет сорока, с усталым лицом. Не говоря ни слова, она пропустила мужчин в квартиру, а дверь заперла. Когда они вошли в комнату и сели за стол, Абрамова сообщила:

— Петя еще не вернулся с занятий. Вернется он через полтора часа. Хорошо бы нам до его прихода закончить. Я не хочу впутывать племянника во всю эту историю. Ладно, я сама в ней увязла, но мальчишка пусть останется в стороне.

Слушая ее, Гуров гадал: что именно эту женщину с таким суровым лицом и такой же суровой профессией побудило прийти на помощь правозащитнику, рисковать своей карьерой, а может, и жизнью? Значит, что-то было у нее в душе, что не позволяло мириться с несправедливостью, с откровенным попранием закона.

— Вы, как я поняла, из Москвы приехали, с нашими делами разбираться? — спросила Абрамова.

— Я не просто из Москвы, а из самого Министерства внутренних дел, — подтвердил сыщик. — К вашей истории в столице относятся очень серьезно. Руководство Главка хочет наказать преступников по всей строгости закона. Поэтому я вас попрошу рассказывать все подробно и точно, так, как если бы вы выступали на суде. В общем-то, ваши показания и будут предназначены для суда. Я сейчас, по ходу нашего разговора, составлю протокол, и в конце вы его подпишете. Итак, если вы готовы, давайте начнем. Сергей Борисович сказал, что вы знаете, как были убиты Деменюк и Чердынцев. Что вы можете об этом рассказать?

— Ну если это для протокола, то тут за каждое слово надо отвечать, все надо проверять, — сказала Лилия Семеновна. — И я хочу уточнить. Я не знаю, как были убиты эти двое, момента убийства я не видела. Могу только догадываться. И могу рассказывать о том, что сама видела.

— Очень правильное отношение с вашей стороны, — согласился Гуров. — Рассказывайте только о том, что вы лично видели. Будем тщательно отделять факты от догадок.

— Хорошо, — кивнула женщина. — Итак, дело было 12 дней назад, в конце августа. Я, как всегда, дежурила в третьем корпусе, в коридоре «А». Я знала, что накануне вечером в 303-ю камеру поместили двоих новеньких, Деменюка и Чердынцева. Я их видела при утренней поверке и потом, когда разносила обед. После обеда их вызывали на допрос, но допрос длился очень недолго — часа не прошло, как они уже вернулись в камеру.

— Их что, вместе на допрос вызывали? — удивился Гуров.

— Ну да, — кивнула Абрамова. — Мне это тоже странным показалось. Не помню такого, чтобы заключенных

не по одному допрашивали. Очная ставка — другое дело, но ведь это процедура следствия, а не допрос. В общем, около шести вечера конвой привел их с допроса. Я их в этот момент видела: оба шли, словно в воду опущенные. Ну тут как раз ничего удивительного нет: с допросов часто в таком виде возвращаются. Допрос — не свидание, это надо понимать. Потом я разнесла ужин, забрала посуду — в общем, все, как обычно. Перед отбоем я еще раз их камеру проверила. Никого постороннего там не было, все в штатном режиме.

Прошло четыре часа, время приближалось к двум часам ночи. И тут вдруг раздался звонок. Я взяла трубку (у нас там только проводные телефоны, мобильной связи нет). Говорил дежурный офицер. Он сообщил, что меня вызывают к заместителю начальника СИЗО. Это было странно — чтобы начальство ночью вызывало. Я сказала своей напарнице, Лене Смирновой, что меня вызывают, и пошла в административный корпус.

— Значит, на дежурстве осталась одна ваша напарница Смирнова? — уточнил Гуров. — А что она за человек? Охарактеризуйте ее.

Абрамова пожала плечами.

— Что за человек? Обыкновенный человек: две руки, две ноги. Двое детей у нее, мальчишка восьми лет и девочка двенадцати. Около полугода уже работает, насколько я помню. И в этом смысле ей, конечно, труднее, чем мне: мой Павел уже взрослый, двадцать лет ему, водителем работает. Так вот, пошла я в административный корпус. По дороге, помню, еще гадала: что же такого случилось, что меня потребовалось среди ночи вызывать? Может, я какое упущение допустила? Ломала себе голову, но так ничего и не придумала.

— А что в административной части сказали? Зачем вас вызывали? — спросил Гуров.

— В корпусе меня встретил дежурный офицер, капитан Кукушкин. Сказал, что надо подписать несколько документов: заявление на отпуск, заявление на матпомощь, согласие на прохождение медкомиссии. Это совершенно рутинные документы, мы их часто заполняем, и для этого не надо было меня среди ночи вызывать.

— Вы это сказали дежурному? Выразили свое недоумение в связи с отзывом вас с дежурства?

— Нет, конечно, ничего такого я не говорила. На нашей работе важно уметь молчать и не высовываться. Я все подписала и спросила, можно ли мне идти обратно. Капитан сказал, что надо еще немного подождать. Он вышел, и у меня сложилось впечатление, что он кому-то звонил, спрашивал, можно ли меня уже отпустить или мне нужно еще посидеть в административном корпусе. Видимо, ему ответили, что меня можно отпустить, потому что капитан, когда вернулся, сказал, что я могу идти обратно. Но я хочу подчеркнуть: насчет его звонка и что кто-то давал ему указания — это все только мои предположения. Я этих разговоров не слышала.

— Я понял, — кивнул Гуров. — Продолжайте. Что вы увидели, когда вернулись в свой блок?

— Увидела то же, что всегда. Внешне там ничего не изменилось. Когда я вернулась, Лена Смирнова сказала, что ей срочно нужно в туалет, и ушла. А я отправилась по коридору, осмотреть камеры. И вот, когда я подошла к 303-й камере, то увидела, что дверь в камеру приоткрыта. Не заперта была дверь, понимаете? Это самое настоящее ЧП! О таком следовало немедленно доложить дежурному, он бы прислал охрану. Но, прежде чем звонить, я решила узнать, что там в камере: на месте ли заключенные или сбежали. Я открыла дверь и обнаружила, что в камере темно. А так не должно быть: малое освещение на ночь остается включенным. Я нашарила рукой выключатель, нажала

его — и оказалось, что он не работает, свет не включается. Дальше я ничего проверять не стала. Заперла камеру своим ключом и побежала звонить дежурному.

— А в тот момент, когда вы открывали дверь камеры, осматривали ее, вы не слышали каких-либо звуков в коридоре или где-то еще в блоке? — спросил Гуров.

— В том-то и дело, что слышала! — воскликнула Абрамова. — Я как раз хотела об этом сказать. Когда я открыла дверь камеры и щелкала выключателем, мне почудилось, что где-то за моей спиной открылась дверь другой камеры. Я еще и поэтому поспешила снова выглянуть в коридор. Но там никого не было. Однако когда я закрыла камеру № 303 и подбежала к своему столику, то увидела двух незнакомых мне людей. Они как раз в этот момент направлялись к выходу из нашего блока.

— Что это были за люди? — спросил Гуров. — Опишите их.

— Мне трудно их описать, потому что я видела их только со спины. Я их окликнула: «Стойте! Что вы здесь делаете?» Но они не обернулись. Подошли к выходу из нашего блока, открыли дверь и вышли. Представляете? Дверь из блока они открыли словно у себя дома. А ведь чтобы ее открыть, надо иметь ключ.

— Выходит, у них был такой ключ, верно?

— Нет, дело обстояло иначе. Они ничего не отпирали — просто толкнули дверь и вышли, словно она не была заперта. Я хорошо слышала, как за их спинами дверь защелкнулась, как и положено.

— Они что, так и не обернулись?

— Да, так и не обернулись! Дошли до конца коридора, повернули за угол и скрылись. Так что их лиц я так и не увидела.

— У вас же есть оружие? Вы не попытались им угрожать? — озадачился Гуров.

— Оружие есть, конечно. Угрожать — нет, не пыталась, — пожала плечами женщина. — Это все очень быстро произошло... Рассказывать — дольше получается.

— И все же опишите то, что вы видели. Как они были одеты, как сложены...

— Это были плотные такие мужики, накачанные — настоящие быки. На них были такие же куртки, как и на мне, то есть они были одеты, как надзиратели. У того, что справа, были черные волосы, а у того, что слева — светлые. Вот и все, что я могу о них сказать.

— Хорошо, опишите ваши дальнейшие действия.

— Я схватила телефон и стала названивать дежурному офицеру. Сначала мне долго никто не отвечал, но потом я наконец услышала голос дежурного. Он спросил, что случилось. И я ему доложила, что у нас в блоке сразу два ЧП: в камере № 303 была открыта дверь и не включается освещение, а кроме того, я только что видела в блоке двух неизвестных. На это капитан Кукушкин мне ответил, что мне, вероятно, все почудилось. Камера не могла остаться открытой, если только я по небрежности сама не забыла ее запереть. И никакие неизвестные в блоке не могли появиться — им просто неоткуда взяться. Они мне просто почудились. Сказал — и положил трубку, так что я даже не успела ничего ему возразить.

— Вы не стали звонить ему повторно?

— Нет, не стала. То есть я как раз собиралась это сделать, но тут вернулась моя напарница Лена Смирнова. Я кинулась к ней, рассказала обо всем — и об открытой камере, и о неизвестных, которые ходили по нашему блоку словно у себя дома. Под конец я предложила ей пойти вместе в камеру № 303 и посмотреть, что там случилось.

— И что ответила вам напарница?

— Она наотрез отказалась идти в камеру, а также писать общее заявление на имя начальника СИЗО. Можно

же было записи с камер видеонаблюдения посмотреть! Но она мне заявила так: «Слушай меня внимательно, подружка. Сиди тихо! Никуда не ходи и ничего не пиши. Тебе Кукушкин что сказал? Что тебе все это привиделось. Вот так оно и есть. Ты просто заснула здесь, возле нашего столика, и видела сон. Забудь про него, если хочешь жить спокойно». И больше мы с ней на эту тему не разговаривали.

— А что случилось дальше?

— Дальше? А ничего не случилось. Через три часа, когда пробило шесть, пришла смена. Я сдала дежурство и ушла домой. А через два дня до меня дошли слухи, что в нашем СИЗО погибли двое заключенных. Но при этом не назывался блок, не говорилось о расследовании этого ЧП. А когда я спустя два дня вышла на новую смену, меня никуда не вызывали, ни о чем не спрашивали. Все было так, как сказали капитан Кукушкин и моя напарница Лена Смирнова: словно мне все привиделось. Я только от Сергея Борисовича, — тут Лилия Абрамова кивнула на Бельского, — узнала о том, как начальство объясняет смерть этих двоих. Что они якобы поругались и друг друга зарезали.

— А вы сами что думаете — что на самом деле произошло в ту ночь?

— Я, конечно, много об этом думала, много могу сказать. Но ведь это все — одни только мои предположения. И я не хочу, чтобы они были включены в протокол.

— Разумеется, я эту часть не буду фиксировать в протоколе, — заверил женщину Гуров. — Мне просто хочется сверить свои впечатления от вашего рассказа с вашими собственными оценками.

— Ну если не для протокола, то я могу сказать, что думаю. Меня неспроста вызвали среди ночи в административный корпус. Меня туда звали вовсе не для того, что-

бы бумажки подписать. В это время Смирнова впустила в наш блок тех бугаев, двух убийц. Они прошли прямо в камеру № 303 и убили Деменюка и Чердынцева. И моя напарница это все знала. Это она впустила убийц в помещение блока, открыла им камеру № 303. И капитан Кукушкин звонил по телефону, скорее всего, тоже ей. Она должна была сказать, закончено дело или нет, можно ли меня отпускать. Все у них прошло по плану, только одна накладка вышла — убийцы почему-то задержались в блоке, и я их увидела, хотя и со спины.

— Почему же в таком случае ваша напарница не закрыла дверь камеры после ухода убийц? — спросил Гуров. — Тогда бы вы вообще ни о чем не догадались...

— Мне кажется, это было сделано специально, — отвечала Абрамова. — Как раз для того, чтобы была возможность меня тоже замазать в эту историю. Мол, это я и открыла камеру, и впустила тех двоих. Руководство СИЗО знает, что я не пойду на откровенное нарушение закона — мне уже делали подобные предложения. И вот, если я вдруг захочу поднять шум, против меня будет улика — вот эта самая открытая дверь.

Гуров посидел еще некоторое время, обдумывая услышанное, потом решительно кивнул и сказал:

— Да, все сходится. Думаю, так и обстояло дело. Спрашивать о чем-то вашу напарницу Лену Смирнову, думаю, не имеет смысла — она ничего не скажет. Как и дежурный офицер капитан Кукушкин. И тем более ничего не скажет руководство СИЗО. Никто ничего не слышал, ничего не видел. То, что называется «круговая порука». Что ж, думаю, этого достаточно. Я вижу здесь компьютер с принтером. Можно, я распечатаю ваши показания?

— Можно, конечно, — согласилась Абрамова.

И сыщик уселся за клавиатуру. Ему хватило полчасика, чтобы напечатать протокол допроса и вывести его на

принтере. Затем Лилия Абрамова села читать документ. Читала она очень внимательно, в двух местах заставила Гурова внести исправления, оговорив «исправленному верить». Затем подписала протокол и взглянула на часы.

— Засиделись мы что-то, — сказала она. — Скоро уже Петя должен вернуться.

— Намек понял, — хмыкнул Гуров. — Я удаляюсь. А вы как? — обратился он к Бельскому.

— Я тоже с вами пойду, — кивнул правозащитник.

И они вместе вышли из квартиры.

Глава 6

— И куда вы теперь направитесь? — спросил Гуров, когда они вышли на улицу. — Как я понял со слов Ирины Забелиной, дома вы решили пока не ночевать, считаете, что там опасно...

— Я не только считаю — я просто уверен, что дома мне находиться нельзя, — отвечал Бельский. — Вы же только что слышали, что случилось с двумя парнями, которые всего только и хотели, что жить по-человечески и не дать другим травиться ядом. Наши бандиты поверили в свою полную безнаказанность, и теперь они не остановятся перед убийством еще одного человека. Кстати, я считаю, что и Лилии Семеновне тоже угрожает опасность. Я уже говорил ей об этом, предлагал уйти с работы, хотя бы временно, переехать в другой город. Но она и слышать об этом не хочет. Что касается вашего первого вопроса, то я иду к своему школьному другу Никите Коломийцу. В последнее время мы редко встречались, и я надеюсь, что наши враги не знают о Никите и не будут меня там искать.

— Что ж, разумное решение, — одобрил Гуров. — А на будущее, раз уж вы перешли на почти нелегальное поло-

жение, хочу вам дать несколько советов. Они касаются того, как обнаруживать слежку и бороться с ней. Прежде всего, когда выходите на улицу, не забудьте незаметно оглянуться вокруг.

— И что же я должен искать, когда оглянусь? — полюбопытствовал Бельский. — Группу бугаев с бейсбольными битами? Но ведь они так открыто себя не ведут...

— Не ведут, — согласился Гуров. — Вы должны обратить внимание, нет ли поблизости мужчин, ничем не занятых. Стоит, например, человек и битый час глядит в небо. Или разглядывает витрину магазина, словно там картинная галерея. Но в последнее время «хвосты» в основном сидят в машинах, и вы их не увидите. Зато вы можете увидеть машину, которая медленно едет позади вас, тащится вяло, как похоронная процессия. Или человек идет за вами примерно на расстоянии метров пятьдесят. Вот это и будет «хвост». И тогда вам потребуется другой навык — умение «стряхивать хвост».

— И как же это делать? — спросил правозащитник. Было заметно, что рассказ Гурова его заинтересовал.

— Тут, казалось бы, нет ничего сложного, — продолжил Гуров свою «инструкцию». — Просто надо сделать так, чтобы «хвост» на время потерял вас из виду, и за это время успеть уйти в другую сторону. Но каким образом? В прежние годы преступники, стремившиеся уйти от наблюдения милиции, часто пользовались проходными дворами. Но в последнее время большинство дворов огородили, везде висят кодовые замки, так что через дворы теперь не побегаешь. Можно попробовать уйти через гаражи, но они не везде есть. Зато появились такие заведения, как торгово-развлекательные центры, или ТРЦ. Как правило, это огромные многоэтажные комплексы с несколькими входами и выходами. Вот там можно затеряться в толпе и уйти от слежки. В моей практике было

несколько случаев, когда преступники именно так уходили от меня и моих помощников, хотя мы люди опытные и умеем предвидеть действия криминальных элементов.

— Тут у нас неподалеку как раз есть такой торговый центр, — сказал Бельский. — Целый квартал занимает. Но я там был, надо сказать, всего один раз — я мало что покупаю, кроме продуктов, и совсем не умею развлекаться.

— Это упущение, и его надо исправить, — заметил сыщик без всякой иронии. — Советую вам прямо сейчас пойти прогуляться по этому ТРЦ, изучить там все входы и выходы. Продумайте свои действия в случае, если войдете с той или иной улицы. И запомните главное: отрываться от «хвоста» надо неожиданно, резко. Только в этом случае можно добиться успеха. Сделайте это, Сергей Борисович, это может оказаться важным.

— Хорошо, обязательно последую вашему совету, — согласился Бельский.

На этом они расстались. Бельский, следуя совету сыщика, пошел в торгово-развлекательный центр изучать входы и выходы, а Гуров отправился на квартиру, которую они снимали с капитаном Ряшенцевым. Было уже поздно, и он рассчитывал, что его напарник будет на месте.

Так и оказалось. Дмитрий Ряшенцев хлопотал вокруг стола: расставлял тарелки, открывал купленные емкости с салатами и паштетами, нарезал хлеб.

— Это по какому поводу банкет? — спросил Гуров.

— Никакого банкета, — отвечал капитан. — Просто идет приготовление к ужину. Я не забываю наставление вашего друга полковника Крячко: заботиться о том, чтобы вы хотя бы раз в день основательно поели и желательнее — горячей пищи.

— Какая трогательная забота о моем здоровье! — покачал головой сыщик.

На самом деле он был и правда тронут заботой капитана. Чтобы скрыть это свое чувство, он ворчливо спросил:

— И где же тут горячая пища? Пока что я вижу только все готовое, тот самый пресловутый фастфуд...

— Горячее на кухне, — отвечал Ряшенцев. — Я сварил картошку, стоит, накрытая подушками. Скажите, а полковник Крячко придет? Или мы его ждать не будем?

— Честно сказать, я о его планах не знаю, — признался Гуров. — Но давай для приличия минут двадцать подождем. Кстати, ты мне за это время расскажешь, где был, что видел.

— Хорошо, сейчас сделаю полный отчет, — сказал Ряшенцев.

Он отложил хлеб, сдвинул часть тарелок и положил на это место свой блокнот. Открыл его на нужной странице и как раз собирался начать докладывать, когда дверной звонок тихонько тренькнул. Капитан пошел открывать и вскоре вернулся с полковником Крячко. Полковник окинул взглядом накрытый стол, ничего не сказал, проследовал к дивану и повалился на него. Гуров с интересом взглянул на друга и покачал головой.

— Кажется, нашему другу Стасу никакое угощение уже не нужно, — заметил он. — Мы, Дмитрий, могли бы его и не ждать. Верно я говорю, полковник?

— Да уж, я сегодня наугощался! — отозвался Крячко. — С настоящим народным гостеприимством меня сегодня угощали. Стол буквально ломился от блюд. И от блюд, и от напитков. Я только об одном заботился — пить как можно меньше. Делать вид, что пью, а самому избегать. Иначе споили бы меня вусмерть. Так что вы не думайте меня чем-нибудь кормить. Единственное, от чего я сейчас не откажусь — это от пары стаканов крепкого чая. Чая я от генерала так и не дождался.

— Чаем мы тебя угостим, обещаю, — сказал Гуров. — Ты хоть Расскажи, где ты сегодня был.

— Находился в здешних лесах, в охотничьих угодьях, — отвечал Крячко. — На охоту меня возили. Двух зайцев подстрелил, представляешь?

— А что же тут такого удивительного? — Гуров пожал плечами. — Я знаю, что ты хорошо стреляешь, причем не только по зайцам. А для дела что-нибудь полезное узнал?

— Что же полезное можно узнать на охоте? — Крячко пожал плечами. — Там можно узнать только, что генерал Потапов предпочитает традиционный русский напиток, то есть водку, а прокурор Тимур Султанов — армянский коньяк, желательно семилетней выдержки. А министр транспорта в здешнем правительстве области, Лев Павлик, пьет хороший виски. Видите, какое разнообразие вкусов? Вот и все полезные сведения, которые я сегодня почерпнул.

Однако Гуров покачал головой, выражая свое несогласие со словами друга.

— Вы только посмотрите на него! — воскликнул он, обращаясь к невидимой аудитории. — И этот человек еще осмеливается говорить, что он ничего не узнал за этим обильным столом! А между тем ты привез оттуда весьма любопытные сведения. Какие сведения, ты спросишь? Да вот эти самые — о составе компании, которая ездила на охоту. Вот они — те люди, которые входят в окружение начальника здешнего Управления. Прокурор, министр... Может, там еще кто-нибудь найдется. А бизнесмена, владельца компании «Фаворит-Р» Руслана Безрукова, там случайно не было?

— Нет, только вот эти трое, кого я назвал, да еще два заместителя Потапова — Василий Иванович Чванов и Виктор Иванович Ощепков, — отвечал Крячко.

— Ну это понятно, — кивнул Гуров. — Ни генерал, ни его друг Безруков не хотят «светиться», демонстрировать

столичному гостю, насколько они близки. Гостя нужно просто занять, ублажить, залить ему глаза коньяком — и пусть едет себе обратно в Москву, докладывать руководству, как тут в Рубцовске все хорошо. И что, ни о каких событиях, вроде смерти полковника Дятлова или двух заключенных в СИЗО, на охоте не говорилось?

— Нет, о делах вообще речь не шла, — отвечал Крячко. — Говорили только о приятном — или об охотничьих трофеях, или о бабах.

— Понятно, — сказал Гуров и повернулся к капитану Ряшенцеву. — Что ж, капитан, теперь мы все в сборе и можем приступать к ужину. А полковнику Крячко хорошо бы выдать стакан горячего чая. Можем мы себе это позволить?

— Еще как можем! — заверил капитан и отправился на кухню.

Оттуда он вернулся с полной чашкой горячего крепкого чая. А Гуров сходил туда же, на кухню, и принес кастрюлю с горячей картошкой. И все уселись за стол. Некоторое время в комнате царило молчание — и Крячко, и Ряшенцев знали, что Гуров не одобряет обсуждение дел за едой. И только когда все салаты были съедены, а Крячко выпил уже второй стакан чая, Гуров произнес:

— Ну теперь перейдем к делу. Давай, капитан, рассказывай о своих подвигах. Удалось тебе встретиться с Башмаковым?

— Да, мы встретились, и у нас был весьма содержательный разговор, — отвечал Ряшенцев. — Что интересно, Башмаков упоминал того же человека, о котором вы только что сказали, Лев Иванович. Он говорил, что Руслан Безруков, в прошлом мелкий бандит, стал некоронованным королем Рубцовска. Никто не смеет ему перечить, и он может творить любые беззакония. В этом он пользуется покровительством генерала Потапова и дру-